

УДК 1:3+930.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ В. БЕНЬЯМИНА: ИСТОРИЯ – ЯЗЫК – ИСТОРИЧНОСТЬ*канд. филос. наук И.Н. СИДОРЕНКО**(Белорусский государственный технологический университет, Минск)*

Представлен анализ философии истории немецкого философа В. Беньямина, а именно его концепции исторического материализма, в которой посредством методов цитирования, коллекционирования и метода-маски меланхолика раскрываются и постигаются исторические первофеномены как диалектические первообразы. Задача исторического материализма Беньямина заключается в разработке нового понимания времени и нового видения хода исторического процесса. История здесь рассматривается не как завершённый образ, а как процесс становления, изменяющийся во времени, как текст, представляющий собой калейдоскоп смыслов. Также реконструируется концепция «актуального настоящего», в которой делается акцент на отказе от интерпретации времени как пустой бесконечности и утверждается мессианское время через историчность и решимость человека.

В начале XX века немецкий философ Вальтер Беньямин предвосхитил такие значимые сегодня идеи, как установка на интерпретативный характер человеческого знания, на фрагментарность мира, поиск идентичности и многое другое, тем самым наметив контуры и определив проблемное поле новой области исследования в философии истории, которую условно можно назвать как «археологию сознания современной культуры». В своих археологических исследованиях Беньямин делает основной акцент на проблематике языка и истории и стремится разглядеть действующие в этих пространствах силы, которые и порождают произведения искусства; выстраивает собственную концепцию философии истории, в которой противопоставляет исторический материализм и историзм, видя именно в первом возможность подлинного изучения истории. Известное представление об истории как науки о том, что было в прошлом, Беньямин заменяет другим пониманием, в котором история – это не только прошлое в смысле прошедшего и неизменного, но и происхождение из него, сам процесс становления, творящий не только эпоху, но и определяющий настоящее и будущее. Таким образом, история означает постоянно творимое целое, изменяющееся во времени, и под взглядом историографа-критика, в отличие от природы, которая движется равным образом «во времени», представляет собой историю культуры.

В рамках философии истории Беньямином рассматриваются такие классические марксистские темы, как революция и классовая борьба, социальность и социальная обусловленность, производительные силы и производственные отношения, историческое развитие и проблема прогресса. Интерес к теме истории и проблеме историчности Беньямин во многом унаследовал от классического марксизма, однако эти проблемы им рассматриваются под другим углом зрения. Так, например, Беньямин соглашается с Марксом в отношении необходимости исторического понимания социальных явлений и процессов, но его интерпретация истории выходит далеко за рамки классического марксистского понимания. Однако, в отличие от Маркса, Беньямин не верит в объективность исторического процесса, с неизбежностью дарующего человечеству светлое будущее. Для Беньямина история предстает как историческое повествование, написанное победителями, т.е. теми, кто оказался более жестоким. В силу этого традиционная историография, находящаяся на службе у господствующего класса и являющаяся легализацией власти, стерилизует и поработачивает прошлое, лишая угнетенный класс настоящего и будущего. Таким образом, цель беньяминовского исторического материализма – вернуть прошлое в пространство памяти, разрушив господство над ним правящего класса, и благодаря этому спасти настоящее, оставив «открытой дверь» для неожиданного прихода Мессии. Так, Беньямин стремится вернуть истину бывшего, полноту творения в пространство памяти, а значит, в пространство существования. Для того чтобы восстановить прошлое в его правах, немецкий философ обращается к историческим первофеноменам, к которым относит памятники архитектуры, произведения искусства, безмолвные вещи, пытаясь заставить их заговорить и раскрыть скрываемую истину некогда бывшей полноты творения. Поиск первофеноменов у Беньямина осуществляется посредством объединения материализма и мистики: первофеномены – это абсолютно реальные вещи, но в то же время они способны «заговорить», открыть реальность тому, кто к ним обращается.

История, в понимании Беньямина, предстает как «единственная катастрофа», разрыв и как череда «руин», поэтому для ее постижения необходим совершенно особый метод познания. Философ применяет «метод-маску меланхолика», сущность которого заключается в выявлении и удержании утраченного. Для него перво-степенную значимость играют не переживания реальных событий, а воспоминания, которые никогда не примут законченного образа, так как постижение истории напоминает процесс возникновения воспоминания, а «вспоминаемое событие по своей сути бесконечно, потому что является только ключом ко всему, что произошло до него, и ко всему, что происходило после» [1, с. 245]. Только такое постижение истории постоянно будет возбуждать тоску по минувшему, а не праздное любопытство, удовлетворяющееся туманным, но претендующим на целостность образом. При этом воспоминание не может мгновенно проявить искомый первофеномен, оно постепенно будет раскрывать его детали, характеристики, тем самым способствовать более глубокому постижению. С точки зрения Беньямина, стремление постичь первофеномен как целостный об-

раз «убьет» его, исказит в этой окоченелости. Только воспоминание, будучи само процессом, может создавать все новые проекции искомого и удерживаемого, при этом чем более многогранно высвечивается первофеномен, тем более мы далеки от целостного образа, а значит, более близки к его истинной сущности.

Развивая собственную концепцию исторического материализма, Беньямин заимствует идею трех видов историографии Ф. Ницше. Напомним, что Ницше выделял три вида историографии: монументальную, антикварную и критическую, отмечая при этом, что нельзя отдавать приоритет только одному виду над другими, так как подлинное постижение истории возможно только как поэтапный переход от одной историографии к другой. Таким образом, прошлое не страдает, если все они будут совмещены в равной степени. Если же нет, то при монументальной истории господствуют «эффекты в себе», т.е. следствия без достаточных причин. Антикварная история сама по себе способна только сохранять, а не порождать жизнь. Что же касается критической истории, то она разрушает прошлое для того, чтобы у человека была возможность жить дальше. Поэтому, по мысли Ницше, для того чтобы эти три рода истории приносили пользу в жизни человека, каждая из них должна существовать на «своей почве». Беньямин, говоря об историческом материализме, не проводит четкого его разделения на виды, однако в его трактовке угадывается классификация, предложенная Ницше. Так, будущее культуры существует в форме решительного осуществления некоей избранной возможности как монументальной. Однако подлинная история культуры, будучи монументалистской, может осуществиться только в повторении как возобновлении. Отсюда так важен для Беньямина культ сходства, который осуществляется посредством сходства мира снов. Такое повторение культуры отождествляется Беньямином с коллекционированием, что напоминает антикварный вид историографии. Единство прошлого, настоящего и будущего раскрывается в мгновении как шоковом временном разрыве в потоке воспоминаний. В силу этого подчас не прошлое оценивается с точки зрения настоящего, а оценка настоящего дается через осмысление прошлого и всматривание в будущее, поэтому монументалистски-антикварная история с необходимостью предполагает критику современности, а значит осуществление критической истории.

В противовес историзму Беньямин выдвинул критически понятий исторический материализм, проникнутый элементами иудейского мессианства. Будучи свидетелем могущества национал-социализма и краха рабочего движения, болезненно переживая предательство пакта Гитлера и Сталина в 1939 году, Беньямин приходит к новому представлению об истории, которое отказывается от веры в прогресс и в которой на первое место им выдвигается идея мессианского активного вмешательства в ход истории. Таким образом, посредством включения в исторический материализм мессианской идеи спасения и критики он пытается возродить революционный потенциал этой историографии. Наглядным примером может служить сравнение, проводимое Беньямином между историческим материализмом и шахматным автоматом в виде куклы, которую нельзя обыграть, пока ею управляет спрятавшийся карлик. Кукла – это образ исторического материализма, ставшего бессильным, и только теология в образе карлика может помочь ему со всем справиться и обеспечить выигрыш кукле, т.е. историческому материализму.

В «Историко-философских тезисах» Беньямин критикует историзм, так как он сводит историю к простому перечислению исторических фактов и приводит к потере связи с современностью. Историзм Беньямин определяет как историографию победителей, очень напоминающую монументалистский вид историографии, выделенный Ницше. Время в такой историографии победителей понимается как пустое, однородное, а реальность представляет собой реализацию господства как естественного существования общества. В отличие от такой историографии, исторический материализм представляет собой традицию, создаваемую угнетенными, которые осознают себя как субъекты истории только в моменты опасности или, по определению Беньямина, «монады», т.е. моменты, в которых застыло время. Именно монада как застывшее мгновение времени представляет собой слепок целой эпохи. Отсюда задача историка заключается не в том, чтобы выявить последовательность различных событий во времени, а в том, чтобы различить и выделить из однородного поступательного движения истории эти монады как революционные моменты, раскрывающие значение эпохи для историка. Поэтому Беньямин утверждает исторический материализм как единственный путь для угнетенных – покинуть навязанную им дорогу истории. Вместе с теологией Беньямин интегрирует в исторический материализм иудейскую мистику, основная идея которой заключается в том, что Бог не присутствует в мире, он «ушел» из него, вследствие чего образовалось свободное пространство для действий человека. Однако след Бога остался в этом мире в виде света, который прорезывает, разрушает собственное творение. Восстановление изначального состояния творения возможно посредством правильного собирания рассеянных обломков. Приход Мессии означает завершение восстановления и спасение творения. В силу этого иудейская мистика исторична, так как основной акцент в ней сделан на прошлом как восстановлении изначального состояния и возвращения к истоку бытия. С иудейской мистикой Беньямин был знаком через книгу «Каббала» своего друга Гершома Шолема, в которой его особенно заинтересовала комбинаторика как методологическая основа кабалистики, во многом схожая с его собственной идеей и образом калейдоскопа. Поэтому, исходя из мистической комбинаторики, Беньямин стремится реализовать возможность применения калейдоскопа как концепта истории. В калейдоскопе фрагменты гармонично сочетаются в целостные картины, сложившиеся в результате их случайной комбинации. В силу этого для Беньямина калейдоскоп выступает не только аппаратом, осуществляющим монтаж произвольных кусочков исторической реальности, но самим случайным монтажом. Так, например, в своей незаконченной работе «Пассажи» Беньямин акцентирует этот оптический момент, одновременно разводя исторический материализм в виде комбина-

торной историографии и историзм в виде каузальной историографии. «Пассажи» – это комбинация фрагментов текстов из забытых, не читаемых книг, которые перемешиваются между собой, случайно создавая причудливые картины как оптические комбинации для историка. Именно поэтому глаз опять становится главным инструментом исследования, на этот раз – истории. Задачу историка Бенъямин видит в фиксации взглядом фрагментов как первофеноменов для калейдоскопа, чтобы потом их подвергнуть произвольным комбинациям. В отличие от монументалистской истории, создающей победы и поражения, исторический материализм, опираясь на мистику и на случайную игру калейдоскопа, пытается воссоздать целостность творения.

В иудаизме приход Мессии является результатом активного действия людей, направленного на преобразование мира, в силу чего спасение понимается здесь как само-спасение. Бог, постоянно тормоша и напоминая об этом людям, дарит им мессианскую силу, только с помощью которой может осуществиться приход спасителя. В силу этого лишь достигшее избавления человечество получает полноту своего прошлого. Человек представляет себе счастье только таким, каким оно могло бы быть в конкретном настоящем. Однако это настоящее принадлежит классовому обществу, которое отказывает угнетенному в счастье. Поэтому протест против такого настоящего неизбежно для Бенъямина связан со стремлением изменить его посредством прошлого.

В тезисах «О понятии истории» Бенъямин пишет, что «лишь для спасенного человечества прошлое становится цитируемым, вызываемым в каждом из его моментов» [2, с. 26, тез. 2]. Калейдоскоп исторических фрагментов представляет собой калейдоскоп цитат. Историк, стоящий на позициях исторического материализма, согласно мысли немецкого философа, должен войти в пространство языка, границами которого выступают исток и разрушение, находящие свое существование в цитате. Отсюда, для того чтобы увидеть исток, необходимо разрушить напластования чуждых, навязанных буржуазией, смыслов. Таким образом, цитата у Бенъямина становится знаменем историка-анархиста, отрицающего авторитеты и иерархии и отвоевывающего пространство свободы, отстаивая индивидуальную ответственность. Такой историк-анархист, рассматривая историю, одновременно осуществляет ее. История становится результатом веры в оправданность изменений, преобразований и свободного выбора, делающего исход развития конкретной исторической ситуации открытым и зависящим от действий людей. Ни прогресс, ни техника не смогут освободить общественное развитие от несправедливости, иерархии и господства, так как и то, и другое находятся в пространстве чужой власти. Спасительную роль Бенъямин находит в цитате, в которой речь предстает как прародительница справедливости. Так, в эссе «Карл Краус», посвященном немецкому сатирику, эссеисту и журналисту, издававшему журнал «Факел», Бенъямин пишет: «процитировать означает назвать все своими именами» И далее: «Цитата называет слово по имени, творя разрушения, вырывает из контекста, но тем самым она возвращает слово назад, к истоку. ...В цитате отражается язык ангелов, в котором все слова, потребленные в идиллическом контексте смысла, стали эпиграфами Книги Творения» [3, с. 352 – 353].

Язык в первоначальном образе божественного творения, в райском состоянии раскрывал и поверхность вещей, и их внутреннюю связь, и не нуждался в артикуляции. В падшем мире, в мире истории в языке сохранилась эта сообщаемость как объективная интенция, как то, что стремится сообщить свое божественное происхождение, т.е. нечто, что характеризует язык человека, отпавшего от божественного истока. Именно поэтому в своей концепции философии истории Бенъямин такую значимую роль отводит языку, его способности сообщать, передавать отзвук полноты творения. Философ подчеркивает связь языка и ментальной жизни человека: человек не способен говорить «сквозь язык», он всегда говорит «в языке». Согласно мысли Бенъямина, язык – это не пространство, наполняющееся готовыми мыслями, а сам материал этих мыслей, так как вне языка никакая мысль в принципе невозможна. Таким образом, язык не пассивен, он сам «говорит в себе о себе». В силу этого Бенъямин определяет проблему языка как центральную для философской проблематики истории и культуры. Речь человека является не только выражением самого языка, но и внутренней ментальной жизни человека. Поэтому, по мысли Бенъямина, в процессе столкновения языка и внутренней жизни человека проявляются смыслы человеческого существования. Таким образом, язык творит мир посредством наименования вещей. Называя вещи, человек обращается к Богу, так как имя, выделяющее из потока ощущений ту или иную вещь, является завершением божественного акта творения. Вещи постоянно обращены к человеку и выступают частью его ментальной жизни, поэтому они говорят с ним, но на своем бессловесном языке мира вещей как созданного, в котором только и может проявиться замысел Творца. В силу этого цитата для Бенъямина становится тем сосредоточием языкового бытия человека и бытия языка для человека, в котором только и может проявиться истинная реальность как полнота творения. Описание прошлого с помощью комбинаторики цитат освобождает его от окаменевшей монументальной формы, возвращая в настоящее как творение. В такой бенъяминовской интерпретации языка слышны отзвуки иудейской традиции, в частности идея о недостижимости полноты бывшего творения как раз и навсегда данной и неизменной целостности, а также непроизносимость – неслышимость имени Бога. В силу такой интерпретации в философии истории Бенъямина активность приобретает не только язык, но и сам человек, без деятельности которого спасение невозможно. Однако бессловесный язык вещей может так и остаться не услышанным и неразличимым для человека, если он, как и прошлое, не будет извлечен от угнетения, выхолащивающего из прошлого отблеск бывшего, а из языка его сущность и божественную способность наименования.

Для Бенъямина задача исторического материализма заключается в разработке нового понимания времени и, соответственно, нового видения хода исторического процесса. В отличие от историзма, устанавли-

вающего образ прошлого как неизменного, вечного, уже ставшего, исторический материализм понимает под прошлым опыт, который присутствует только здесь. «Вечный» образ прошлого, поработанного идей безудержного прогресса, будучи с точки зрения историзма невозвратным, угрожает исчезнуть вместе с настоящим, которое в силу такой отчужденности прошлого не проявило себя, не осмыслило или, как говорит Беньямин в тезисах «О понятии истории», «не узнало себя в качестве мыслимого в нем». Беньямин отвергает как гомогенное, пустое время, присущее историографии правящего класса, буржуазии, так и трансформацию истории в музей застывшего прошлого, так как в такой интерпретации прошлое неотделимо от трактовки времени правящим классом. За рамками такой выхолощенной истории остаются случайные развязки, «ошибки», моменты вероятности, временные развилки, т.е. все то, что мешает возникновению тотального континуума «происшедшего на самом деле». Историзм, в отличие от исторического материализма, изображает «позитивную» историю побед и великих достижений. Историк-анархист или исторический материалист к этим победам и свершениям относится как сторонний наблюдатель, потому что в истории правящего класса ему не отведено место как субъекта истории, он – никто, пассивная масса, которая выступает лишь панорамой, основная функция которой сводится к тому, чтобы выгодно освещать и оттенять великие победы господствующего класса. Поэтому все, что он видит в этом культурно-историческом многообразии, все без исключения вызывает у него отвращение, так как эти свершения, претендуя на статус документов культуры, в то же время являются документами варварства. В силу этого угнетенному классу не остается ничего другого, как «захватить» прошлое, икупив его, и тем самым обрести возможность для конструирования альтернативного «современности» проекта истории и культуры, а значит и реальности. Историк-анархист отвергает основной принцип историзма – принцип вживания, так как объектом вживания официального историка становится победитель, тем самым историк легитимирует мифическое господство, отвергающее божественную справедливость. Отсюда субъектом исторического познания должен быть угнетенный класс, которому Беньямин отводит главную роль – свершителя революционного подрыва «континуума истории». Такую трактовку революционного преобразования у Беньямина один из ведущих теоретиков современного неомарксизма Т. Иглтон определил как «революционную ностальгию», в которой акцентируется «сила активного воспоминания как ритуального вызова прошлого и приобщения к традициям угнетенных в определенной привязке к политическому настоящему» [4, с. 301 – 302]. Традиция у Беньямина претендует на целостность как на полноту и одновременно представляет собой бесконечное разложение победной истории правящего класса. Поэтому традиция в понимании Беньямина – это данность, но находящаяся в процессе постоянного конструирования в настоящем и разрушающая власть идеологий.

В отличие от интерпретации времени как пустой бесконечности, Беньямин постулирует качественную временную бесконечность, т.е. время, наполненное «актуальным настоящим» (*Jetztzeit*). Именно поэтому так актуальна для Беньямина иудейская мессианская идея о спасении будущего, посредством необходимого обращения в прошлое. Время, понятое как актуальное настоящее, имеет своеобразную структуру, в которой каждое мгновение представляет собой ворота, через которые может осуществиться приход Мессии. Именно в силу этого прошлое никогда не завершено, а значит исторично. Такое незавершенное прошлое всегда может прорваться в настоящее и тем самым дать шанс на спасение. В своей концепции исторического материализма Беньямин вводит понятие «заполненного» времени или «актуального настоящего», постоянно прерывающегося, а значит не завершенного, не затвердевшего в окончательности целостного образа, т.е. историчное время. История предстает у Беньямина как эксперимент в технике пробуждения, результат которого сводится к конструированию диалектического образа как первофеномена. Пробуждение диалектического образа связано с его представлением, возможность которого реализуется в решительном повороте времени как мгновении. Вечный образ прошлого как «насилие ауратической явленности», остается незаметным благодаря тому, что оно утаивает сам факт представления. Мгновение пробуждает первофеномен и представляет его в процессе припоминания в качестве диалектического послеобраза. Послеобраз – это не копия первофеномена прошлого, а собрание значимых фрагментов истории, сновидений и т.д.

В иудейской религиозной традиции приход мессии является внезапным, точно так же историческая революция у Беньямина выступает внезапным прерыванием истории, как шоком памяти, оставляющим временной зазор для проникновения прошлого в настоящее. Поэтому культурно-исторические эпохи, согласно мысли Беньямина, как бы наслаиваются и по причине этой незавершенности сосуществования при определенных случайных событиях внезапно возвращают к актуальности, требуя ее спасения. Возвращение у Беньямина не сводится к простой передаче традиции, так как мир в его понимании фрагментарен, дискретен, следовательно, повторение как простое дублирование просто невозможно. Память в силу этого не противостоит забвению: граница между «быть, как существовать» и «творить, как создавать» стерта. Поэтому у Беньямина всякий раз возвращается новое прошлое, случайность которого в этой фрагментарной калейдоскопической реальности приближает приход Мессии. Случайность возврата нового прошлого возможна не благодаря все фиксирующей и не забывающей памяти, так как иначе будет возвращаться старое как неизменное, а благодаря забвению как шоку памяти, разрыву в потоке воспоминаний. Возможно, именно поэтому у Беньямина только забвение может даровать истинную полноту бывшего творения.

С концепцией «актуального настоящего» у Беньямина связана и проблема свободы. Так, например, философ говорит о таком знании прошлого, где свобода является не иллюзией, а реальностью озаренного мгновения. Воспоминание прошлого как своего для угнетенного класса оказывается моментом поворота, точкой,

где пересекаются время опыта и время свободы. Такое воспоминание представляет собой опыт пробуждения: в миг пробуждения последовательность представлений рвется и открывает непредставимость того, что Беньямин называет чистым временем или временем свободы. Однако на такую свободу надо решиться и завоевать ее. Понятие «решимость» в отношении мгновения и свободы Беньямин выбирает не случайно, оно указывает на «решимость» М. Хайдеггера, раскрытую им в контексте историчности. Несмотря на то, что Беньямин, как и Хайдеггер, использует идею историчной решимости для выстраивания собственного проекта философии истории, Беньямин дистанцируется от хайдеггеровского понимания истории, подчас выступая ее критиком.

Хайдеггер в центр истории ставит историчность *Dasein*, подразумеваемая под этим то, что человек всегда уже определен результатами прошлого, т.е. вовлечен в традицию и судьбу своего народа. Продвигаясь в будущее, решимость человека никогда не может начинаться с нулевой точки, его решимость всегда уже предопределена культурным наследием. Только в сообществе, определенным культурным наследием, согласно мысли Хайдеггера, власть исторического пути оборачивается для человека свободой. С точки зрения Беньямина, такая определенность прошлым не является естественным состоянием, так как в обществе модерна сама история ангажирована властью и контролем господствующего класса, в силу чего для угнетенных история выступает как что-то чуждое, свыше навязанное, не имеющее связи с судьбой народа. Решимость воображения прервать поток воспоминаний и вычленив значимые образы памяти позволяет, согласно Беньямину, восстановить прошлое в настоящем, благодаря чему судьба народа только еще получит возможность свершиться. Перенятие наследия у Хайдеггера предстает как бесконечный процесс. Человек должен вникнуть в ранее казавшийся внешний материал истории и настолько внутренне сделать его своим, чтобы он стал восприниматься в качестве самой внутренней жизни. Усвоение наследия предполагает повторение. Хайдеггер определяет повторение как форму экзистенциальной заостренности, в которой *Dasein* собирает себя в настоящем мгновении. Повторение осуществляется не в оглядке на прошлое с тем, чтобы вернуть в прошлое ставшее иным настоящее, но оно осуществляется в настоящем так, что в отношении него изменение времени теряет свой смысл. В чистом существовании господство времени прекращается, поэтому то, что возобновляется в повторении, находится не в прошедшем, но является вечной возможностью *Dasein*. Так, возобновление впервые обнажает для *Dasein* его особую историю. Именно в силу этого, Хайдеггер полагал, что возратить судьбу павшего *Dasein* вновь ему самому можно только посредством волевого решения, индивидуальным опытом заботы и страха, новой организацией университета и экономики. В отличие от хайдеггеровской трактовки историчности, историческое у Беньямина не может победить, оно может лишь сопротивляться, воспроизводя опасность, которая выступает как причиной, так и следствием его узнавания. Именно поэтому так понятие историческое у Беньямина бесполезно для политической организации: целостность истории всегда будет ускользать. История выступает как полнота диалектического образа, с одной стороны, доступного для критики, а с другой – отсеченного от того, что критикуется. В силу этого история как бы скрывает свою основу и становится возможной только как различные случайные совпадения фрагментов калейдоскопа. Катастрофа европейского пролетариата, предательство его социал-демократических вождей и политика сталинского Коминтерна, деморализовавшая немецких и французских рабочих и облегчившая победу фашизма в Европе, предстали для Беньямина тем «моментом опасности», в котором он пытался схватить «правдивый образ» истории. Задача историка, согласно его мысли, заключается в том, чтобы показать историю страданий и историю вечного протеста, т.е. не только пробудить в памяти современников традиции угнетенных, но и воссоздать их. Только такая память будет содержать в себе мессианскую силу для осуществления в «момент опасности» несбывшейся надежды. Главную роль продолжателя традиции протеста Беньямин отдает пролетариату, которому и надлежит остановить историю. Так, критический момент в понимании Беньямина наследует опасность из временного потока историчности.

Беньямин представляет время топографически, т.е. через такие понятия, как исток, складка и поворот, совмещение и наложение. Путь к своему истоку предстает как игра на местности, где все события служат лишь метками-указателями истока, с которого начинается собственная история. Диалектический образ как первофеномен прошлого у Беньямина кроется в сгибах времени, поэтому проявить его можно в качестве послеобраза только в процессе воспоминания как перехода от малого к мельчайшему, от мельчайшего к микроскопическому, к монаде, вбирающей в себя всю полноту образа и дающей ему актуальное существование. Складка времени – это «подножка» для человека, заставляющая его «оглянуться». Оглядка (*Vorbehalt*), предполагающая как сохранение, так и остановку, у Беньямина становится условием существования собственной истории как таковой посредством одновременного удержания образов памяти и исторического стирания памяти как забывание. Беньямин в истории видит возможность восстановления прошлого как диалектического послеобраза реальности творения. Восстановление как раскрытие времени осуществляется как дар. Человек дарит истории ее же прошлое, бережно собранное им в мозаичную картину, в коллекцию послеобразов.

Для исторического материалиста все, что однажды случилось, уже никогда не исчезнет, даже если было чем-то, что отринуто историей и забыто. В силу этого исторический материалист – это коллекционер первофеноменов прошлого, для которого не существует общепринятой шкалы оценки значимости вещей, наоборот его обостренное чутье выхватывает все, кажущееся незначительным, или забытым, или слишком маленьким, мелким. Он вырывает вещи из исторического континуума, присваивая их себе, потому что только так они становятся его вещами. Первофеномены, как и предметы коллекции, живут потому, что их одушевляет страсть коллекционера-историка, при этом состав коллекции определяет взгляд

коллекционера-историка как брошенный назад. Исходя из перспективы «сейчас», историк надеется раздробить, разорвать историю, вырвав прошлое и настоящее из их непосредственных контекстов. Само обращение к истоку из настоящего, согласно Беньямина, делает человека новым или, что для философа очень важно, открывает дар нового имени, тем самым раскрывая новую возможность. Настоящее для исторического материалиста становится тем переходом, в котором время остановилось и замерло, превратившись в заполненное мгновение, «сейчас», в котором он пишет собственную историю.

В отличие от исторического материализма, субстанциальное понимание истории в традиционной историографии оборачивается не только насильственным овладением природой как материалом, но и подавлением самого человека. Кульминацией такого исторического развития, согласно Беньямину, стало тотальное угнетение и самоистребление человечества в виде фашизма. Это дало основание философу констатировать «конец истории», под которым он понимал исчерпанность идеи прогресса и его условий, заданных еще в Новое время. Беньямин предлагает новое понимание времени и истории, которое в отличие от представлений культуры модерна, устремлено в прошлое, тем самым предлагая совершить диалектический «тигринный прыжок в прошлое». Исторический материалист, совершая такой диалектический прыжок, начинает видеть в современности не переход от вечного образа прошлого к настоящему, а остановку, замирание времени, точку мгновения «сейчас», в которой, освобождая прошлое, он только и может творить собственную, подлинную историю. В силу этого Беньямин утверждает, что «для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка. Там, где мышление в один из напряженных моментов насыщенной ситуации неожиданно замирает, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в монаду. Исторический материалист подходит к историческому процессу исключительно там, где он предстает ему как монада. В этой структуре он узнает знак мессианского застытия хода событий, иначе говоря: революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое. Он ухватывается за него, чтобы вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории; точно так же он вырывает определенную биографию из эпохи, определенное произведение из творческого пути. Результат такого приема заключается в том, что удается сохранить и сублимировать в одном произведении всю творческую биографию, в одной этой творческой биографии – эпоху, а в одной эпохе – весь ход истории» [2, с. 28, тез. 17]. Революционная ситуация современности как личного дня трактуется у Беньямина как повторение ошибок, провальных ситуаций прошлого, как их ретроспективное искупление. Революция – это разрыв каузальной истории, в результате которого официальная история господствующего класса обращается в ничто. Если история предстает у Беньямина как текст, то революция представляет собой созидательный акт, стирающий доминирующий текст истории и создающий новый исторический текст, в пространстве которого осуществляется искупление прошлого.

Заключение. Идея воспреemptвенности прошлого в настоящем в философии истории Беньямина разоблачает само понятие времени, которое обесценивает прошлое и обрекает угнетенный класс на полную бессмысленность существования. Традиция угнетенных предстает для человека настоящего как «чрезвычайная ситуация», как шок, свидетельствующий о потере основания, и только в такой точке настоящего возможно увидеть протянутую сквозь историю «нить традиции», не требующей никаких оснований, а нуждающейся только в личном воспреemptстве. Таким образом, история – это текст, смыслы вплетенных событий которого раскрываются только из настоящего, осознавшего опасность нивелировки своего прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин, В. К портрету Пруста / В. Беньямин // Маски времени: эссе о культуре и литературе; сост., предисл. и примеч. А. Белобратова; пер. с нем. и фр. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 480 с.
2. Беньямин, В. О понятии истории / В. Беньямин; пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46.
3. Беньямин, В. Карл Краус / В. Беньямин // Маски времени. Эссе о культуре и литературе; сост., предисл., примеч. А. Белобратова; пер. с нем. и франц. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 480 с.
4. Иглтон, Т. Капитализм, модернизм и постмодернизм / Т. Иглтон // Современная литературная теория. Антология; сост. И.В. Кабанов. – М.: Наука, 2004.

Поступила 12.05.2009

HISTORICAL MATERIALISM OF W. BENJAMIN: HISTORY – LANGUAGE – HISTORICITY

This article is devoted to the analysis of philosophy of history by German philosopher W. Benjamin, namely his concept of historical materialism in which by means of the methods of citing, collecting and methods-masks of melancholic are opened and comprehended historical first-phenomenon as dialectic first-images. The problem of historical materialism by Benjamin consists in the development of new understanding of time and new vision of a course of historical process. History here is considered not as the completed image, and as the process of becoming, changing in time, as the text representing a kaleidoscope of senses. In this article the concept of «the actual present» in which emphasizes on refusal of interpretation of time as empty infinity also is reconstructed and messianic time by means of concepts of historicity and determination of the person is affirmed.